

[Автор не установлен.] Живая жизнь. Всероссийский съезд
ученого монашества // Богословский вестник 1917.

Т. 2. № 6/7. С. 142–146 (1-я пагин.).

Вмѣстѣ со всѣмъ клиромъ и церковнымъ народомъ епархіи Московская Духовная Академія, отнынѣ автономная, свободно привѣтствуетъ новаго главу Церкви Московской и своего Почетнаго Попечителя искреннимъ и убѣжденнымъ:
ἀἴσιος!

* * *

IV. Всероссийскій съездъ ученаго монашества.

Съ 7 по 14 іюля, по благословенію Св. Синода, въ стѣнахъ нашей Академіи происходилъ съездъ ученаго монашества. Время съезда, глухія лѣтнія каникулы, неблагоприятно отразилось на количествѣ участниковъ его. Собралось около 70, не было очень многихъ.

На съездѣ обсуждалось положеніе образованнаго (подъ неточное названіе *ученыхъ* подведены и монахи съ законченнымъ среднимъ, духовнымъ и свѣтскимъ, образованіемъ) иночества на учебной и неучебной службѣ. Рѣшено создать союзъ—братство ученыхъ иноковъ съ широкими задачами, утверждалась необходимость этому братству имѣть свои монастыри и учебныя заведенія. Разработанъ вопросъ объ Александро Невской Лаврѣ. Рассмотрѣна, наконецъ, программа съезда представителей монастырскаго монашества въ нѣкоторыхъ пунктахъ, соотвѣтственно опредѣленію Св. Синода.

Положительное рѣшеніе вопроса о необходимости братству имѣть свои учебныя заведенія имѣеть въ виду прежде всего Академію. Естественно было ожидать желанія создать новую академію и сдѣлать ее однородномонашеской и по составу преподавателей. Но большинство 30 противъ 19, при немногихъ воздержавшихся, оказалось, имѣло иной взглядъ на этотъ предметъ—приняло слѣдующую резолюцію:

„Съездъ ученаго иночества считаетъ необходимымъ, чтобы церковный соборъ въ огражденіе чистоты православно-богословской науки отъ той опасности, которая угрожаетъ ей при реформѣ Академій на началахъ автономности, оставилъ хотя одну изъ существующихъ Академій незатронутой этой реформой, реорганизовавъ ее на началахъ строго-церковныхъ въ смыслѣ устава, дисциплины и быта, и обезпечивъ ее профессорами изъ лицъ священнаго сана (преимущественно

монашествующихъ), а равно и мірянъ строго церковнаго настроенія, и сдѣлавъ ее органомъ проявленія дѣятельности братства“.

Изъ голосовавшихъ противъ этой резолюціи профессорами Московской Духовной Академіи архимандритомъ Иларіономъ и іеромонахомъ Варѣоломеемъ заявлено слѣдующее отдѣльное мнѣніе:

„Считая желательнымъ, чтобы церковная власть организовала одну духовную академію съ особымъ уставомъ, определяющимъ ея управление и быть на строго церковныхъ началахъ, не находимъ, однако, никакой возможности согласиться съ принятой съѣздомъ резолюціей. Особая академія въ резолюціи предлагается „въ огражденіе чистоты православно-богословской науки отъ той опасности, которая угрожаетъ ей при реформѣ Академій на началахъ автономности“. Въ этихъ словахъ резолюціи выражено осужденіе существующихъ академій, совершенно ими незаслуженное, потому что считать профессоровъ академій врагами православной вѣры нѣтъ какихъ-либо достаточныхъ оснований. Исторія академической науки вообще заставляеть съ большою осторожностью бросать профессорамъ академій обвиненіе въ неправославіи, такъ какъ общеизвѣстны факты, когда положенія ученыхъ работъ, поспѣшно объявленныя вредными для православія, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозитъ какой-либо особой опасностью для православной богословской науки и вводимая въ жизнь академическая автономія, потому что дѣятели академическіе остаются тѣ же и автономія не сдѣлаеть ихъ врагами Церкви, какими они не были раньше. Если нельзя въ автономной академіи ожидать установленія строго-церковнаго быта, то едва ли можно увѣренно предсказывать и то, что въ ней научная работа непременно приметъ противо-церковное направленіе. Кромѣ того, академическая автономія установлена высшей церковной властью, которая, пужно думать, не желала создать тѣмъ самымъ какой-либо особой опасности для православно-богословской науки.

Признавая не бесполезнымъ устройство особой церковной академіи, не можемъ однако желать, чтобы эта академія была сдѣлана органомъ проявленія дѣятельности монашескаго братства. За послѣднее время церковная власть пре-

пятствовала образованію ученаго монашества въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, направляя академическихъ монаховъ обыкновенно по пути церковно-практической дѣятельности и не давая монахамъ возможности надолго оставаться на академическихъ профессорскихъ кафедрахъ. Поэтому нельзя не признать того факта, что ученое монашество въ настоящее время въ общемъ не близко къ богословской наукѣ, а часто, къ сожалѣнію, относится къ ней безъ должнаго уваженія. Та программа дѣятельности, которая предлагается для образуемаго монашескаго братства, носитъ характеръ по преимуществу практической. А потому этого братства мы и не можемъ считать достаточно авторитетнымъ въ глазахъ широкаго церковнаго общества для того, чтобы имѣть своимъ органомъ, между многими другими, и высшую богословскую школу. Мы очень опасаемся, какъ бы братство, на первыхъ же порахъ своего существованія, взявшись за непосильное дѣло, не доставило радости своимъ недоброжелателямъ“.

О впечатлѣніи, какое очередная затѣя еп. Феодора, обанкротившагося на высокомъ посту ректора академіи, произвела на общество, можно судить по слѣдующему отзыву въ Вѣст. Ц. О. В. № 73. „Только что закончился съѣздъ „ученыхъ монаховъ“. Товарищемъ предсѣдателя *de jure*, а *de facto* предсѣдателемъ Съезда былъ епископъ Феодоръ, превратившій въ „волоколамскую вотчину“ Московскую духовную академію. И вотъ здѣсь-то рѣшено было окончательно уничтожить это наслѣдіе Горскихъ и Голубицкихъ. На съѣздѣ постановили ходатайствовать объ обращеніи названной академіи въ чисто монашескую и исключительно для монашествующихъ, а также для лицъ подобнаго духа, направленія и настроенія.

У каждаго барона своя фантазія—почему бы не имѣть и такой академіи? Исторія здѣсь лишній разъ выступила бы въ роли учительницы весьма и весьма многому, начиная хотя бы съ поученія на тему относительно степени устойчивости, тѣмъ болѣе у насъ и сейчасъ, идеи самостоятельныхъ духовныхъ академій.

Быть можетъ, имѣло бы свое основаніе, подсказываемое опытомъ, а также исторіей, и стремленіе Троицкой Лавры, какъ таковой, освободиться отъ пребыванія въ ея стѣнахъ

академіи. Но, при подобныхъ обстоятельствахъ, и самый вопросъ долженъ бы былъ поднять Лаврой, и, для рѣшенія его, наиболѣе подходящимъ мѣстомъ оказывался бы Всероссійскій съѣздъ представителей монастырей. Монастыри же и обязаны были бы на собственный, а не общецерковный счетъ, и своими силами создать въ освобожденныхъ зданіяхъ что-либо грандіозное для просвѣщенія народа.

Однако, между послѣдней мыслью, если бы даже она исходила изъ нѣдръ Академіи, и идеи метаморфозы Академіи Горскихъ и Голубинскихъ въ „монашескую“,—дистанція огромнаго размѣра, а потому соответствующее посягательство должно быть самымъ рѣпительнымъ образомъ отстранено. Наилучшій принципъ, по коему все это надлежитъ продѣлать, въ извѣстныхъ словахъ: *actio est reactio*.

Поэтому поднимись, какъ одинъ человѣкъ, духовное наслѣдіе Горскихъ и Голубинскихъ и грудью отстаивай каждую пядь самой земли, по которой ходили эти, выражаясь словами † Митрополита Антонія, подвижники науки. Пусть въ чистыхъ, особенно отъ крови, рукахъ ихъ наслѣдія остаются даже стѣны, гдѣ виталъ духъ и раздавался голосъ этихъ богатырей мысли и вдохновенныхъ пророковъ“.

Эта замѣтка надписана трагическими словами: *Московская духовная академія въ опасности*. Намъ кажется, въ затѣѣ еп. Θεодора, покушающагося вмѣстѣ съ монашескою братією на Московскую духовную академію, болѣе юмористики, чѣмъ трагизма: она напоминаетъ намъ изъ басни Крылова вороненка, вцѣпившагося въ барана, котораго онъ не могъ поднять. У монашескаго братства пѣтъ силъ обслужить академію профессорами. Среди „ученыхъ“ монаховъ есть и законные, полномочные профессора, но они-то, какъ архим. Иларіонъ, іером. Варфоломей и присоединившіеся къ нимъ, какъ разъ противъ монашеской академіи, они желаютъ работать въ автономной академіи. Напротивъ еп. Θεодоръ и его сторонники именно не люди науки. Они могутъ лишь тормозить науку, а не двигать ее. Не будетъ у монашеской академіи и студентовъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы по Россіи прошла безумная полоса самочинныхъ захватовъ всякой чужой собственности! На этотъ-же путь захвата „чужой“ собственности вступаетъ и еп. Θεодоръ. Но уже наступило отрезвленіе Россіи. Обсто-

ятельства отрезвять и неразборчиваго на средства бывшаго ректора академіи.

* * *

V. Русская Церковь на порогѣ своей новой исторіи.

Въ настоящее время Православная Русская Церковь переживаетъ величественный переломъ въ своей исторіи. Изъ „Вѣдомства Православнаго Исповѣданія“, которымъ ее сдѣлала церковная реформа Петра, двѣсти лѣтъ тому назадъ, она вновь становится церковью, независимой отъ государства, и возвращаетъ себѣ соборныя черты своего устройства. Повидимому, скорбный періодъ униженія остается уже позади и бодрая, радостная, она смотритъ въ невѣдомую даль.

Намъ, современникамъ великихъ событій въ Россіи, не объять, конечно, значенія ихъ во всей полнотѣ. Многихъ частныхъ мы не знаемъ, цѣлаго видѣть не можемъ. Но опытъ исторіи и горечь пережитаго, ясное пониманіе прошлаго песомнѣнно даютъ намъ возможность до извѣстной степени сознать происходящее нынѣ и заглянуть въ будущее русской церковной исторіи.

Судьба нашей Церкви всегда тѣсно связывалась съ судьбою нашего отечества тѣмъ болѣе, что на арелѣ исторіи онѣ—сверстники. Извѣстно, что первые полтора столѣтія до монгольскаго ига прошли въ свободномъ созиданіи русской государственности и въ первоначальномъ устроеніи русской митрополіи. Начинаясь было расцвѣтъ какъ матеріальной, такъ и духовной культуры Кіевского періода подвергся тяжелому испытанію отъ господства татаръ. Русь раздвоилась и на сѣверѣ русской равнины возникли одинъ за другимъ новыя центры государственной и церковной жизни. Нельзя сказать, чтобы за это время со середины XIII в. до середины XV-го Русь отступила назадъ. Ея движеніе продолжалось, но медленно и трудно. Слабая политически, она нуждалась въ материнскихъ заботахъ Византіи и въ церковномъ отношеніи. Но въ это время и сама Византія все болѣе и болѣе ослабѣвала. 1453 г. припесъ ей окончательную гибель, а русской Церкви—безспорную автокефалію. Москва стала „третьимъ Римомъ“. Возникла новая религіозно-политическая идеологія, проникавшая постепенно и законодательство